

БЕЗДНА ЕВРОПЫ

РУСЛАН МАХМУДОВ

Руслан Махмудов

Бездна Европы

«Автор»

2026

Махмудов Р.

Бездна Европы / Р. Махмудов — «Автор», 2026

Под многокилометровым льдом Европы скрывается океан, в котором человечество надеется найти жизнь. Экипаж исследовательской подлодки «Нереида» обнаруживает нечто большее: колоссальные руины, оставленные неизвестной цивилизацией. И древние механизмы всё ещё работают. Обвал льда отрезает путь назад. Связь с поверхностью потеряна, запас кислорода тает, а чужой материал проникает в оборудование лодки. Затем из воды звучит голос капитана — приказ, которого он не отдавал. Чтобы выбраться, шестерым исследователям придётся разобраться в устройстве руин и довериться друг другу собственные жизни. Но один из них скрывает сведения о том, что случилось здесь задолго до их прибытия.

© Махмудов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Нижняя кромка	6
2. Шесть мест	10
3. Прямые линии	14
4. Сдвиг	18
5. Воздух на шестерых	22
6. Чужая запись	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Руслан Махмудов

Бездна Европы

БЕЗДНА ЕВРОПЫ
Руслан Махмудов

1. Нижняя кромка

Ложка ушла под настил, и Вера не стала её доставать. За семь минут до выхода в океан ей предстояло открыть кран, который девяносто четыре дня оставался закрытым. На рукоятке висела жёлтая бирка: «Обратный контур. Не снимать».

Бирку она написала от руки ещё на Ганимеде. Пластик пережил перелёт, посадку и три месяца во льду. Буква «б» стёрлась под большим пальцем; за остальное Вера почему-то была благодарна.

— Осталось двенадцать метров, — сообщил Илья.

Он сидел на переднем посту, повернувшись к экрану левым боком. В нижнем прогретом слое льда машина шла быстрее, чем в холодной толще: последние сто метров заняли чуть больше часа. За спинкой кресла помещались два гермомешка с бельём. До посадки их пытались убрать в багажную нишу, но там лежали запасные фильтры, и теперь мешки служили Илье подлокотниками. Один был подписан «ЧИСТОЕ», другой — «ПОЧТИ».

Вера прижала ладонь к передней переборке. С той стороны, за силовым корпусом, работала тепловая корона. Вибрация передавалась ровно, без знакомого дребезга третьего насоса.

— Питание на двигатели готово, — сказала она. — Проверяю обратную ветвь.

— Только после выхода, — ответил Орлов.

— Готовлю проверку. Кран закрыт.

Капитан обернулся, посмотрел на её руку и снова занялся картой. Так он проверял любое действие, которое можно было проверить зрением. В учебном центре Вера считала это недоверием. На тридцатый день спуска перестала замечать.

Нереида стояла почти вертикально. Пол под ногами был временным: узкие откидные ступени по внутренней стороне корпуса. После выхода лодку предстояло развернуть горизонтально, сложить ступени, опустить рабочие столы. Люди привыкли жить на лестнице, спать в подвесных ложементх и передавать чашки снизу вверх. Вера ждала горизонтального пола сильнее, чем первого вида океана.

На малом экране рядом с краном ползли температуры. Выходной теплоноситель — в норме. Разность на двух датчиках — меньше допуска. Давление после насоса немного выше расчётного.

Она вывела график за последние двадцать минут.

— Девять метров, — сказал Илья.

У графика была аккуратная выпуклость. Такая же возникала на испытаниях, когда наружный теплообменник работал с неравномерным охлаждением. Тогда её называли погрешностью стенда. Вера потребовала дополнительный датчик и повторный физический тест при переходе через пиковый градиент. Датчик поставили. В её заключении стояло: «Длительное использование на стандартном режиме проверено; переход через пиковый градиент требует отдельного испытания». В утверждённой версии осталась только первая часть.

На Ганимеде она отправила запрос об исправлении. Ответ пришёл уже после старта.

— Вера?

Ника стояла ниже на две ступени с контейнером для проб. На щеках у неё отпечатались края спального ложементх.

— Скажи, куда это пристегнуть. В горизонтали здесь будет стол?

— На правую стенку. Красный ремень не трогай.

— Красный я и так не люблю.

Ника пристегнула контейнер, проверила замок дважды и поднялась к своему месту.

Вера сохранила график в локальный журнал. Добавила: «Проверить при переходе на океанский теплоотвод». Справа от записи появилось маленькое пустое поле для подписи капитана. Она нажала «Передать».

— У тебя замечание? — спросил Орлов.

— Незначительное превышение на выходе. За пределы допуска не вышли. Нужен тест перед увеличением мощности.

— Влияние на выход?

— Нет. На возвращение — после теста.

Капитан прочёл запись целиком. Вера видела, как его палец остановился над кнопкой. Потом поле стало зелёным.

— Принято. Делаешь до спуска к дну.

Из верхнего ложементы спустилась Самира. Закрепила медицинскую сумку под сиденьем, положила каждому на плечо узкий ремень страховки. Марк уже был пристёгнут; он смотрел на последнюю строчку геофизического профиля. За три месяца Вера научилась узнавать выражение его лица, когда он находил что-то полезное. Сейчас выражение было другое: он проверял знакомый адрес.

— Пять метров, — сказал Илья. — Плотность падает.

Никто не ответил.

На большой схеме белый столб льда заканчивался неровной серой чертой. Сверху до них тянулись восемнадцать километров и шестьсот метров замёрзшего пути. Никакой открытой шахты за лодкой не было. Сантиметры воды вокруг тепловой короны успевали стать льдом задолго до того, как машина проходила следующий метр. Там оставались кабель и несколько неподвижных ретрансляторов. Для подъёма корону можно было переставить на кормовую сторону. Описание обратного хода занимало в документах восемьсот страниц. Здесь его ещё не проверяли.

Обитаемый силовой цилиндр можно было отсоединить от исследовательской рамы, сохранив тепловую корону и передний переходник. Но собственного рабочего источника у него не было: без исправного энергоблока такое отделение давало лишь герметичную капсулу, которой предстояло ждать помощи.

— Верхняя станция подтверждает океанский режим, — сказала Самира. — Крот держит позицию. Привет от Ковчега. Они просят первое изображение без наших лиц.

Илья коротко рассмеялся.

— Обойдутся. Я три месяца ради этого не стригся.

Голос с поверхности пришёл без привычной задержки. Станция Север была автоматической; её оператор на орбите говорил через несколько промежуточных звеньев. Земля находилась слишком далеко, чтобы участвовать в этих семи минутах. Последнее сообщение жены Орлова лежало в очереди скачивания. Вера видела, что капитан не открывал его с утра.

— Три метра. Два. Контакт потерян на передней короне.

Вера почувствовала, как пол под ступнями дрогнул. Звук насосов сделался ниже. На изображении наружной камеры появилась чёрная полоса; увеличилась, закрыла правый край, потом весь кадр.

— Мы в воде, — сказал Илья.

Орлов не стал поздравлять команду.

— Плавать.

— Плюс один и восемь десятых. Нос держу.

— Тепловая машина?

— Снимаю нагрузку, — ответила Вера.

Она повернула кран. Рукоятка прошла первую четверть легко и остановилась там, где должна была. На экране разошлись две линии температуры: тепло уходило в океанский контур.

Лодка чуть качнулась, будто освободила плечо из тесной одежды. Вера переставила ладонь на поручень. Вместе со льдом исчезла опора, на которой они держались три месяца.

Илья отвёл Нереиду от нижней кромки на двадцать метров. В лучах камер висели ледяные крошки; они двигались вверх, к светлой плоскости. Одну из них Вера сперва приняла за пузырь. Потом увидела неровную грань.

— Вот он, — негромко сказала Ника.

Океан выглядел как пустой экран. Проекторы освещали воду на несколько десятков метров, дальше не было ничего, за что мог бы зацепиться взгляд.

Марк попросил выключить передний свет.

— Зачем? — спросил капитан.

— Проверить собственное свечение взвеси.

Ника повернулась к нему:

— Тогда нужно выключить все четыре. И подождать, чтобы камеры подняли чувствительность.

Илья убрал освещение.

В салоне осталось только зеленоватое сияние приборов. На изображении появились две тонкие линии, пересекли экран и растворились. Ника включила запись. Через несколько секунд камера показала маленькое светящееся пятно. Оно не плыло к проекторам, которых больше не было. Оно сокращалось и снова расширялось.

— Не увеличивай цифровым зумом, — сказала Ника Марку. — Сначала исходник.

— Я сохраняю исходник.

Вера отвернулась от камеры. На её графике выпуклость разгладилась. Температуры стабилизировались, давление после насоса упало. Это было хорошим признаком. Она хотела записать «Замечание закрыто», но вместо этого поставила «Повторить под нагрузкой».

— Теперь мой тест, — сказала она.

Илья вернул свет. По приказу капитана Нереиду развернули в горизонталь. Складные ступени медленно ушли к стене, одно из сидений пришлось придержать: замок заело после долгой неподвижности. Ника поймала упавшую упаковку салфеток. Самира наступила на ложку, посмотрела на Веру и убрала её в карман.

— Потом верну.

На правильном полу Вера сделала два шага и едва не стукнулась лбом о рабочий стол. При слабой тяжести тело не успевало опускаться так, как она ожидала. Три месяца вертикального быта не подготовили её к этому простому движению.

Капитан занял свободное место рядом с сервисным шкафом. Вера перевела нагрев на кормовую ветвь, подняла мощность до тестового уровня и начала отсчёт. Тридцать секунд. Шестьдесят. Девяносто.

Нагрузка распределялась без скачков.

— Проверка обратного хода завершена, — сказала она. — Рабочий режим допускаю до половины мощности. Полный проверим перед входом во лёд, с предварительным прогревом.

— Ограничение записано? — спросил Орлов.

— На твоём экране.

Он подписал. На этот раз Вера дождалась, пока появится зелёное поле.

С кормы раздался короткий стук. Все посмотрели туда, хотя звук мог прийти откуда угодно. Вода передавала его на весь корпус.

— Лёд? — спросила Самира.

Илья вывел акустическую запись. На ней была узкая полоса, далеко от рабочих частот насосов.

— Возможно. Под нами есть течение, приносит обломки.

Капитан приказал отойти ещё на сто метров.

Вера засекла время почти машинально. Через сорок семь секунд стук повторился. Не громче и не ближе. Так же коротко, с едва слышным вторым ударом.

Марк перестал смотреть на камеру.

— Включи направленный приём, — сказал он Илье.

— Уже.

Третий сигнал пришёл снизу.

На экране было темно, и Вера впервые заметила, насколько охотно человек принимает эту темноту за отсутствие чего бы то ни было. Она вписала сорок семь секунд в журнал, рядом с отметкой о своём тесте. Между двумя событиями прошло слишком мало времени, чтобы сейчас решать, связаны ли они.

— Прежде чем спускаться, — сказала она, — повторим при выключенных насосах.

Орлов кивнул.

Они отключили всё, что могли отключить безопасно. Вера услышала, как Ника открывает липучку на блокноте. Как Илье трёт большим пальцем край джойстика. Как кто-то дышит ртом.

Следующий стук не опоздал.

2. Шесть мест

Через час Вера снова услышала стук, но теперь его вызвал Илья. Он освобождал последний складной стол и просил отвертку. Капитан велел сохранить запись внешнего сигнала, установить непрерывный контроль и продолжить спуск. Три приёмника дали одно направление с большой ошибкой. При таком расстоянии источником могла оказаться донная трещина, и геофизическая группа на орбите обещала сравнить спектр с архивом.

— Какую? — спросила Вера.

— Короткую. Длинная сюда не лезет.

Она открыла инструментальную сумку. Всё лежало на своих местах, хотя она точно помнила, что две недели назад сняла из этого кармана клещи. Вероятно, Самира разложила инструменты при последней уборке. Иногда врач делала это молча, а иногда устраивала торжественное вручение одного потерянного винта.

Илья выправил направляющую. Стол опустился и застыл горизонтально. Ника первой положила на него обе ладони.

— Завтрак сидя, — сказала она. — Я бы сфотографировала.

— Сначала грунт, — ответил Марк.

— До грунта восемь часов. Завтрак сейчас.

Марк посмотрел на время и убрал планшет.

Стол был рассчитан на четверых. Двое ели у переднего поста, потом менялись. Все шесть сидений имели отдельные ремни, но два крайних были развёрнуты к переборке. Илья называл их местами для обидчивых. Вера выбрала одно из них. Здесь можно было есть и смотреть на сервисный экран, не притворяясь, что она участвует в общем разговоре.

Ника разрезала пакет хлеба ножницами. Хлеб хранился в вакууме, немного пах спиртом и крошился одинаково при любой тяжести. Крошки медленно оседали на стол. Самира собрала их салфеткой.

— У кого сегодня болит голова?

Марк поднял палец, продолжая жевать.

— Со вчера?

— Нет. После пробуждения. Уже почти прошло.

— Воду допей. И после завтрака зайди ко мне.

— Я не ребёнок.

— Тогда мне не придётся напоминать второй раз.

Илья улыбнулся над своей чашкой. Марк тоже улыбнулся, неохотно. Последние недели он спал мало, но уверял, что это из-за неудобного ложемент. Теперь ложемент висел горизонтально, и отговорка лишилась части убедительности.

На общей стене горели шесть небольших квадратов. В каждом — человек, его частота дыхания, температура кожи, время последнего сна. Вера не любила эту стену. В учебном центре они согласились на общий доступ к физиологическим показателям, и согласие действовало до возвращения. Один раз она попросила Самиру выключить квадраты на время еды. Врач ответила, что может убрать имена, но тогда люди начнут угадывать. Вера не вернулась к вопросу.

— Течение ниже сильнее, чем в профиле, — сказал Илья.

Орлов отставил еду. Сходил к переднему посту, прочёл цифры и вернулся за своей чашкой.

— По движителям сколько?

— Менее трети. Запас есть.

— Марк, уточни слой.

— Это не слой. Здесь боковой поток. Он должен ослабнуть через пять километров.

— Откуда пять? — спросила Ника.

Марк показал ей экран.

— Термопрофиль и солёность. У нас нижняя граница языка.

Вера не стала смотреть. Она занималась своим: каждые пятнадцать минут сверяла отвод тепла, хотя автоматическая система снимала данные непрерывно. В океане всё работало лучше, чем во льду. Именно это её беспокоило. Исправный режим мог скрыть слабое место до тех пор, пока машина снова не окажется в условиях, ради которых её построили.

После завтрака Орлов включил запись для Ковчега. Они по очереди называли своё состояние. Марк сказал «Работоспособен». Ника показала пакет хлеба. Самира удержала его за край, чтобы он не заслонял лицо. До Веры дошла очередь последней.

— Океанский теплоотвод стабилен. Проверка обратной ветви завершена с ограничением по мощности.

— А ты сама? — спросил капитан.

— Тоже стабильна.

Он оставил эту реплику в записи.

Лодка погружалась носом чуть вниз. Глубину считали от нижней границы льда; суммарное давление показывал другой прибор, с красной чертой далеко впереди. Вера сделала на него механическую наклейку, потому что однажды ночью Илья перепутал два экрана. Ошибка была замечена до манёвра. Они обсудили её, переставили приборы и с тех пор не шутили об этом.

На девятом километре Ника попросила остановиться.

В лучах левого прожектора проходила цепочка светящихся точек. Длина цепочки составляла едва ли полметра. Камера не могла разрешить форму каждого звена, но вся цепочка изгибалась против потока, как будто разные её части получали разную тягу.

— Пробоотборник? — спросил Марк.

— Нет. Он уничтожит структуру. Сначала наблюдение.

— Ника, нам нужна химия.

— Воды — сколько угодно. Это оставим.

Капитан посмотрел на часы.

— Десять минут. Без манипулятора.

Ника выключила ближайший свет, оставив встречный луч, и перестроила камеры. Через полторы минуты цепочка разделилась надвое. Между частями осталась тёмная перемычка. Потом маленькие точки вспыхнули по очереди: от середины к краям.

Вера поймала себя на том, что ждёт повторения. Оно произошло через двадцать три секунды. В следующий раз — через двадцать шесть.

— Сорок семь не получается, — сказала она.

— И хорошо, — ответила Ника. — У нас пока два разных наблюдения.

Вера поняла, зачем та это сказала. Марк уже открыл акустическую запись, будто намеревался совместить её со светом. Он закрыл окно, ничего не возразив.

Вода на пробу прошла через отдельный наружный контейнер. Салон оставался изолированным. Возвращать образцы внутрь можно было только после серии проверок; для живых структур существовал ещё более строгий порядок. Ника сама написала часть этого порядка и теперь жаловалась, что её же правила мешают работать.

— На орбите скажут, что у нас светящийся мусор, — заметила она.

— Тогда дай им запись, где мусор делится, — ответил Орлов.

Ника переслала файл, добавив к нему вместо слова «жизнь» осторожное описание наблюдения. Вера заметила и это. На старте Ника говорила быстрее и охотнее называла вещи. Три месяца ожидания, казалось, должны были сделать её нетерпеливой. Получилось наоборот.

Спуск возобновили.

На шестнадцатом километре Самаира вернула Вере ложку. Чистую, в прозрачном пакете.

— Я не просила стерильную.

— Пакет был рядом.

Вера сунула ложку в карман и уступила врачу место у сервисного шкафа. Самаира проверяла резервные дыхательные блоки. Это были не скафандры: небольшие автономные устройства на случай дыма или отказа салонной вентиляции. Их ёмкости хватало на ограниченное время. Вера умела подключить любой из шести с закрытыми глазами. На последней тренировке Марк перепутал выходы и потом говорил, что рисунок разъёма неудачный.

— С кротом всё нормально? — спросила она.

— Да. Стоит на двести двадцать метров выше кромки. Батареи заряжены. Из Северной станции пришло подтверждение проверки аварийных запасов.

К-2 был отдельной маленькой машиной, способной принять экипаж Нереиды без комфорта и почти без багажа. Он шёл вниз по соседнему пути, медленнее основной лодки, и остался во льду. Его собственный реактор был слабее; обратный подъём занял бы много суток. Во время тренировок они провели внутри К-2 сорок восемь часов. Илья после этого попросил, чтобы его спасали как-нибудь иначе.

— И я наконец поговорила с Севером без шипения, — добавила Самаира. — Они поменяли модуль на третьем ретрансляторе.

Вместе со статусом пришёл снимок посадочной площадки. Грузовой тягач убирал пустые транспортные кассеты в бокс; его защищённый приёмный контейнер стоял на отдельной платформе. По плану он встретит экипаж после обратного плавления. Примерку сухого рукава к люку цилиндра они провели ещё до начала спуска.

Вера знала, что никакие «они» модуль не меняли. Автоматическая станция перестроила канал на резерв. Но врач проводила на связи столько времени, что давно разговаривала со станцией как с отдельным человеком.

На двадцать восьмом километре началась вторая рабочая смена. Вера должна была лечь спать. Она дождалась, пока дублёрский экран Марка примет её контрольные окна, и ещё раз показала, куда смотреть при повышении температуры.

— Я помню, — сказал он.

— Всё равно покажу.

Он терпеливо выслушал. Потом попросил Илью изменить курс на три градуса к востоку.

— Зачем? — спросил пилот.

— Уходим от взвеси. Донный профиль дальше чище.

— У нас его ещё нет.

Марк приблизил карту. На ней действительно не было дна: до него оставалось слишком далеко для их рабочего сонара.

— Профиль с орбиты, — пояснил он.

Орлов, отдохавший у стены, открыл глаза.

— Это будет уход от точки посадки.

— Небольшой. Площадка шире погрешности.

Капитан запросил расчёт. Марк отправил его, и через минуту на карте появилась пунктирная линия. Орлов посмотрел запас времени, согласился на поправку и снова откинул голову.

Вера легла в ложемент. Под тканевой стенкой ощущалась твёрдая рама. Она повернулась на бок, но удерживающий ремень оказался под ребром. Раньше ей приходилось затягивать его, чтобы во сне не съезжать вниз. Теперь ремень можно было ослабить.

Она закрыла глаза и подумала о трёх градусах. Скорее всего, это была обыкновенная рабочая поправка. До неё самой тоже иногда доходили дополнительные данные, которых ещё не было в общем интерфейсе.

Потом она вспомнила выражение лица Марка у нижней кромки льда. Он словно ждал появления чего-то на определённой глубине.

Вера не стала возвращаться к столу. Набрала вопрос в журнале смены: «Вейс — уточнить источник восточного профиля». Отправила капитану. Если дело стоило вопроса, его стоило задать открыто.

Сорок семь секунд прошли без стука. Ещё сорок семь тоже. Приёмники продолжали ловить далёкую периодику, но корпус уже не передавал её человеку.

Вера уснула под шум вентилятора, который знала лучше любого земного звука.

3. Прямые линии

Веру разбудили за пятнадцать минут до дна. Она успела пройтись вдоль корпуса, размять ноги и выпить полчашки воды. Часы показывали десять часов сорок минут после выхода во внешний океан.

Илья убирал скорость. На главном экране снизу поднималось серое поле с редкими тёмными полосами. Рабочий сонар строил рельеф; камера пока видела только муть.

— Шестьдесят один километр, — сказал пилот. — Чуть меньше расчёта.

Датчик общего давления показывал сто четыре мегапаскаля. Вера сверила независимый механический индикатор. Между двумя стрелками на нём оставалось достаточно места, и она запретила себе смотреть второй раз.

— Площадка под посадку? — спросил Орлов.

— Есть, но садиться не хочу. Осадок рыхлый. До него сто сорок метров.

— Зависаем на шестидесяти.

Ника приготовила Ласточку. На экране проверки один из двигателей дрона мигнул жёлтым, потом позеленел. Она повторила цикл и только после этого запросила выпуск.

Марк сидел у бокового стола. Перед ним были открыты две карты; на одной нижняя часть исчезала за тёмным служебным окном.

Орлов положил руку на спинку его кресла.

— Я жду источник профиля.

— Обновление из научного пакета. Пришло на Ганимеде.

— Почему его нет в общем архиве?

— Есть, в глубинном моделировании. Не в оперативной карте.

— Выведи файл и подпись отправителя.

Марк убрал служебное окно, открыл каталог. На экране появился геофизический массив, датированный девятью месяцами раньше. Вера увидела сетку с крупными ячейками. Такой массив годился для выбора района, но три градуса точного курса из него выжать было трудно.

Орлов тоже это заметил.

— Мы вернёмся к этому после обзора. Сейчас никаких поправок без объяснения.

Марк сказал «Принято». Вера не услышала в его голосе обиды. Это было хуже: он словно заранее приготовился к этому разговору.

Ласточка вышла из кормовой кассеты. Размером она была с крупную собаку, но в воде выглядела слишком маленькой для любого сравнения с земной вещью. Шесть движителей, две камеры, акустический датчик, пробоотборный зажим. Связь шла через тонкое волокно, которое медленно разматывалось из катушки на лодке. Сама Нереида общалась с маяком у нижней кромки по звуковому каналу. Здесь ответ с поверхности возвращался примерно через полторы минуты даже без обработки. Для большой записи требовались часы. Вера пожалела, что они не могли немедленно показать кому-нибудь то, что появлялось на карте.

Осадок расступился перед камерой дрона. На дне лежал длинный тёмный выступ. Он шёл вправо, выходил из кадра и снова появлялся на следующей полосе сонара. Слева от него проходил ещё один.

— Может быть, разлом, — сказал Марк.

Ника подняла дрон выше. Второй выступ заканчивался поперечной стенкой. За стенкой начинался третий, почти под прямым углом.

Илья перестал касаться джойстика. Нереида держалась на автоматике, компенсируя слабое боковое течение.

— Масштаб? — спросила Вера.

— Между ними сто восемьдесят метров, — ответила Ника. — Высота над осадком от двадцати до тридцати.

На Земле Вера неоднократно смотрела изображения затонувших городов. Там всё было устроено для человека: окно, дверь, лестница. Даже обрушившиеся здания сохраняли понятный размер. Здесь выступы расходились на расстояниях, которые она могла представить только по аэродромам и заводским площадкам. В лучах камеры не помещался ни один целиком.

Ника дала дрону новую команду. Он повернулся вокруг оси; кромки выступов остались на месте. Значит, их прямизна не была дефектом обработки.

— Сделай проход поперёк, — попросила Вера. — И выключи исправление перспективы.

— Уже выключено.

Сырая картинка качалась от работы движителей. Поверхность выступа была неровной, местами покрытой рыхлыми пластами. Под ними открывались тёмные плиты с одинаковыми закруглёнными краями. Не каменная кладка: между плитами не было швов в привычном смысле. Скорее одна поверхность меняла высоту через равные интервалы.

Марк придвинулся к экрану.

— Природная кристаллизация тоже даёт повторение.

— Тогда посмотрим переход, — сказала Ника.

Ласточка прошла вдоль кромки до угла. Камера показала, как продольные углубления изгибаются и уходят на соседнюю грань. Пять одинаковых дорожек продолжались без разрыва. В месте изгиба каждая расширялась, затем снова сужалась до прежнего размера.

Вера знала такой способ обхода угла: на заводах делали увеличенные радиусы, чтобы не терять рабочее сечение потока. Это не доказывало, что перед ними трубопровод. Но одинаковое сохранение сечения на пяти разных дорожках требовало объяснения.

— Нам нужен другой участок, — сказала она.

Они нашли второй угол в трёхстах метрах. Там повторялся тот же переход.

Орлов расправил пальцы на краю стола.

— Записываем как структуру с признаками искусственного происхождения. Без названия. Ника, никакого касания.

— Не касаюсь.

Марк открыл форму передачи. Набрал первую фразу, стёр, начал снова. Вера заметила, что руки у него не дрожат. Она ждала дрожи у себя, но тоже не обнаружила. Вместо неё хотелось проверить все кабели, которые были подключены к экрану.

— Представляете размеры? — спросила Ника.

Илья негромко ответил:

— Я стараюсь не представлять, пока ты ведёшь дрон в проём.

Ласточка приближалась к промежутку между двумя плитами. Ширина прохода составляла двадцать четыре метра. В глубине виднелось продолжение: широкая щель уходила под верхнюю перемычку и сворачивала вправо. Свет не достигал конца.

— Порог исследования не пересекаем, — напомнил Орлов.

Ника остановилась в двенадцати метрах от входа. Замерила ток, температуру и химический состав воды. Разница с внешним океаном была небольшой, но устойчивой. Из щели выходил поток теплее на полтора градуса.

— Гидротермальная зона, — сказал Марк. — Они могли построить это вокруг источника.

— Кто «они»? — спросил Илья.

Марк повернулся к нему, будто хотел поправить слово, но не стал.

Вера приблизилась к монитору. На нижнем краю плиты лежали длинные гибкие ленты. Некоторые прилегали к поверхности, другие поднимались в потоке. Одна сложилась пополам и опустилась. Движение было слишком медленным, чтобы сразу решить, вызвала ли его вода.

Ника включила тепловой канал. Лента оказалась теплее плиты.

— Биоплёнка? — предположила Самаира.

— Возможно. Только температура может быть от самого материала.

— Пробу брать не будем, — сказал капитан, предупреждая просьбу.

— Я пока не просила.

Вера хотела увидеть контакт ленты с плитой. Но для этого пришлось бы подвести дрон к нижнему выступу. Она промолчала. Появление структуры не отменяло правил, по которым они пришли сюда.

Сигнал ударил по корпусу.

На этот раз звук был глухим, почти телесным: Вера почувствовала его под подошвами раньше, чем услышала. На экране Ласточки дрогнула взвесь. Гибкие ленты на кромке сложились одновременно.

— Источник? — спросил Орлов.

Марк провёл пальцем по спектру.

— Здесь, под нами. Большая ошибка по направлению, но расстояние уже меньше.

Ника вывела прямой звук с дрона, снизив громкость. В салоне зашипела вода. Послышались мелкие щелчки, низкое гудение и тот же двойной удар.

Парные удары повторялись через сорок семь секунд.

— Ласточка, назад, — сказала Ника, хотя дрон не слышал её слов.

Она отвела машину на двадцать метров. Тепловая картинка плиты погасла: гибкие ленты остывали. Камера обычного диапазона продолжала показывать их на прежнем месте.

Вера проверила время. В журнале первого выхода во внешний океан сигнал возник через пятьдесят две секунды после её теплового теста. Она могла связать эти события только потому, что сама выполняла тест. У Марка были другие данные, и он мог придумать другое объяснение.

— Когда впервые появился этот спектр? — спросила она.

— Сегодня, — ответил он.

— В нашем журнале — да. Я спрашиваю про научный пакет.

Он посмотрел на неё. Потом на капитана.

— Вера, мы только что нашли искусственную структуру. Давай не потеряем время на подозрения.

— Записи не требуют подозрений. Нужен источник.

Орлов протянул руку к общему экрану и закрыл форму, которую заполнял Марк.

— Передам сам. Ссылайся только на то, что видел весь экипаж.

Марк отодвинулся. Угол его планшета тихо стукнул по столу.

Они провели у структуры ещё час. Измерили две внешние стороны, сохранили сырые данные, не нашли следов прохода, пригодного для человеческой лодки. Комплекс уходил за пределы их карты: часть скрывал осадок, часть — возвышение дна. На последнем проходе Орлов сам попросил приблизить изображение угла. Разглядывал его дольше остальных, потом закрыл окно.

— Я тоже хочу ещё круг, — сказал он. — Но сегодня возвращаемся.

Ника повела Ласточку к кормовой кассете. Когда дрон прошёл над кромкой, одна из гибких лент поднялась ему навстречу. Между ними оставалось не меньше двух метров. Лента повернулась вслед за дроновым прожектором, коснулась собственной плиты и легла.

— Отметь, — сказала Вера.

— Отметила.

Кассета закрылась. Дрон оставался снаружи силового корпуса. Ни одна частица чужого вещества не попала в обитаемый объём.

Капитан объявил возвращение. Они должны были подняться к кромке льда, передать большой архив через маяк, отдохнуть и составить новый план вместе с Ковчегом. Вера под-

держала это решение. Сейчас ей требовались нормальная мощность канала и несколько часов, в которые никто не будет стоять у неё над плечом.

Илья поднял нос.

На экране дно медленно ушло вниз. Выступы уменьшились до серых штрихов, затем растворились в помехах. Вера ждала, что после этого у неё появится возможность подумать обо всём увиденном.

Вместо этого Марк попросил оставить низкочастотный передатчик включённым.

— Для чего? — спросил капитан.

— Посмотрим, изменится ли отклик при удалении.

— Мы уже удаляемся. Приём оставь. Передачу выключить.

Вера выключила канал сама. Следующий двойной удар пришёл на двадцать секунд позже ожидаемого.

Марк посмотрел на время и отвернулся так быстро, что она не успела прочесть его выражение.

4. Сдвиг

Илья заметил ошибку на карте за девять минут до того, как её увидели остальные. Подлёдный маяк находился правее расчётной точки на одиннадцать метров. Сам по себе такой сдвиг ничего не значил: в девятичасовом подъёме лодка могла накопить погрешность. Он сравнил акустическую дальность, инерциальную оценку и профиль нижней кромки. Два первых результата согласились, третий остался в стороне.

— Лёд переехал, — сказал он.

Орлов стоял за правым креслом. Во время подъёма капитан дважды предлагал ему смениться. Илья отказался: Марк умел держать курс, но подход к маяку лучше было выполнить самому.

— Насколько?

— Пока одиннадцать метров. Проверяю нашу привязку.

— Расстояние до потолка?

— Триста восемьдесят.

Илья снял скорость. На изображении кормовой камеры проплывали редкие ледяные обломки. Они медленно поднимались, обгоняя лодку, если он останавливался. При первом появлении он автоматически подумал о лавине, но ледяная крошка шла вверх. Ничего не падало на них сверху. Опасность могла оказаться другой: потолок из целого льда имел собственное движение.

Самира уже установила устойчивый канал через маяк. Шесть часов записей ушли за двадцать минут. Ковчег подтверждал получение, просил оставить большой массив до окончания проверки и не повторять подход к структуре. Ответ Марку врач передала без выражения. Он прочёл, потёр лицо и стал составлять запрос на новый выход.

Илья не слушал спор. На его экране появился нижний раструб теплового пути. Его оставила Нереида, когда вышла из льда. Затем стенки раструба успели обрасти инеевидными пластами; здесь вода почти касалась температуры замерзания.

Маяк висел рядом, на коротком подвесе. У него горели два слабых светодиода. Илья держал их в левой части кадра: пригодный ориентир был лучше сотни обработанных линий.

— Девять метров до боковой границы зоны. Держу сто пятьдесят до льда.

— На этом расстоянии хватит, — ответил капитан. — Стоим, пока идут файлы. Вера, сколько нужно для обратного прогрева?

— Двадцать восемь минут. Но сначала сверим положение крота.

— Сверяй.

Илья включил позиционную автоматику и размял правую кисть. Между средним пальцем и безымянным появилось онемение: слишком долго держал рукоятку. Он вытянул пальцы, положил руку на мешок с чистым бельём. Левая оставалась на резервном управлении.

Через стекло экрана он видел отражение Марка. Тот ходил от своего стола к корме, возвращался, смотрел на проценты передачи. За весь подъём геофизик ни разу не спросил, можно ли помочь с пилотированием.

Вера открыла сервисную панель. Щёлкнули два механических переключателя. По корпусу прошла знакомая вибрация предварительного нагрева.

Затем пришёл двойной импульс.

Илья вздрогнул. Он ожидал, что сигнал ослабнет при удалении от дна, но сейчас низкий звук снова был слышен ушами. На карте боковая граница раструба раздвоилась.

— Всем пристегнуться, — сказал он.

Орлов не спросил почему. Сел в соседнее кресло и закрепил ремень.

— Вера, прекрати прогрев.

— Прекращаю.

Илья увеличил расстояние до льда. Сто пятьдесят пять метров. Сто шестьдесят. Маяк в левой части экрана качнулся, будто по его подвесу провели рукой. Одна из светящихся точек описала короткую дугу.

— Идёт смещение, — сказал Марк. — Нужно убрать лодку к западу.

— Где запад свободен? — спросил Илья.

— По профилю...

— Мне нужен сейчас.

Капитан приказал отходить вниз, на открытую воду. Илья отключил удержание положения. Вертикальные движители набрали обороты. Четыре угловых датчика показали разное движение потолка: слева лёд опускался, справа оставался на прежней отметке.

Весь видимый раструб прошёл поперёк кадра. Из его края выдвинулась широкая светлая плита. Несколько секунд она выглядела неподвижной, потому что лодка тоже уходила в ту же сторону. Илья дал противоположную тягу и увидел истинную скорость: края льда расходились, а выступ под ними увеличивался.

Маяк ударился о поверхность. Светодиоды исчезли.

— Связь ушла, — сказала Самира.

Плита треснула у основания. Передняя камера показала вспухшее белое облако. Поток воды развернул лодку боком и бросил её к нижнему краю выступа.

Илья отдал назад и вправо. Левый движитель ушёл в перегрузку. Он убрал его из группы, раскрыл остальные, попробовал получить разворот на разной тяге. Нос послушался, корма задержалась.

— Сзади контакт через три секунды, — сказала Вера.

На экране две ближайшие поверхности сходились. Илья видел ту же цифру, но голос Веры оставлял ему место для следующего движения.

Он опустил нос. Лодка пошла вниз под углом, провела кормой по льду.

Удар пришёл слева.

Его кресло повернулось на несколько сантиметров вместе с креплением. Ремень удерживал грудь; левое плечо ударилось о край консоли. Илья не успел вскрикнуть. Во рту оказался металлический привкус, но язык был цел: он стиснул зубы так, что заболела челюсть.

— Реактор глушится, — произнесла Вера.

Левый верхний экран выключился. За ним погасла камера. Остались центральная картинка, силовая схема и красная строка перегрева.

— Батарейная группа один, — сказала Вера. — Движители доступны. Илья, тяга у тебя есть.

Он попробовал вернуть левую руку на управление. Пальцы работали, плечо не позволило поднять локоть. Тогда он переложил рукоятку вправо. Она стояла неудобно, за краем кресла, и он потянулся всем корпусом.

Орлов сдвинул своё сиденье назад.

— Место освободил.

Илья развернул лодку носом вниз. Центральная камера показывала только воду и вращающуюся взвесь. Слева проходил огромный белый край, снизу темнел свободный объём. Он удерживал темноту в центре кадра.

Сервисные предупреждения звенели почти непрерывно. Вера отключила звук, оставив голосовой канал. Это было самое полезное, что кто-либо мог сейчас сделать.

Лодка уходила от выступа медленно. Повреждённый движитель не включался; остальные расходовали ток почти на пределе. Илья выбрал две работающие пары, чтобы добиться постоянной тяги, и отказался от точного курса. Ему требовалось расстояние, а не красивый след на карте.

Двести метров до ближайшего льда. Двести сорок. Триста.
Ударов больше не было.

— Негерметичность? — спросил Орлов.

Вера отвечала по одному отсеку:

— Салон сухой. Сервисная полость сухая. Наружная ветвь теплоносителя потеряла давление. Внутреннюю отсекала. Пассивный теплоотвод реактора работает.

— Реактор остаётся выключенным.

— Да.

Илья не слышал её последних слов. Из левого плеча в грудь разливалась боль. Она была тупой, но каждый раз, когда он поворачивал голову, становилась точечной и резкой. Самира растегнула свой ремень.

— Илья, я подойду справа. Голову не поворачивай.

Она появилась рядом, прижала к его шее два пальца, посмотрела зрачки. Спросила о дыхании.

— Дышу.

— Глубокий вдох можешь?

Он вдохнул и почти сразу пожалел. Но нехватки воздуха не было.

Самира проверила плечо через ткань.

— Левую руку не нагружай. Онемение есть?

— Только злость.

— Это не мешает мне проверять пальцы. Сожми мою руку.

Он сжал. Слабее, чем хотел.

Орлов взял управление на правом посту. К этому моменту до льда было пятьсот метров. Прозрачность воды возвращалась, и можно было снова различить движение частиц. Они поднимались над лодкой, навстречу распавшемуся выступу.

Капитан дал Илье приказ отдохнуть, сформулировав его без предложения. Пилот откинулся и позволил Самире снять с него куртку. Она разрежала внутренний шов рукава, не стала стягивать ткань через больную руку. Свою куртку Илья любил. Сейчас он не возразил.

Ника включила переднюю акустическую картинку. Нижний край ледовой оболочки изменился. На месте раструба виднелся поперечный уступ. За ним, выше и левее, прибор строил ещё одну плоскость. Два массива прошли друг относительно друга, срезав несколько последних сотен метров их пути.

— Кабель? — спросила Вера.

Самира покачала головой.

— Север не отвечает. Ковчег тоже. Маяк пропал.

— Резервный акустический канал крота?

— Пробую.

Они ждали ответа в тишине. Медицинский сканер тихо щёлкал возле плеча Ильи. На экране Самиры постепенно проявлялось его собственное суставное сочленение; врач пока ничего не сказала.

Илья рассматривал новый ледовый рельеф. Он не боялся подняться сквозь обычный лёд. Тепловая машина предназначалась именно для этого. Но теперь за кормой не было ни работающего теплообменника, ни проверенного канала к поверхности. Точка, куда они должны были вернуться, сохранилась только в памяти карты.

Вера наклонилась к сервисному экрану. На её виске появился небольшой красный след. Видимо, тоже ударились, но ещё не поняла где.

— Кормовую корону без ремонта не включить, — сказала она. — Тепло уйдёт в аварийную полость.

Марк поднял голову:

— Полость можно перепустить.

— Сейчас — нельзя.

— Ты же говорила, что обратный тест...

— До удара у нас был исправный наружный контур. Теперь он повреждён.

Она не повысила голос. Илья почувствовал облегчение: он не смог бы сейчас слушать спор.

На экране связи наконец появилась короткая строка. Не Север и не Ковчег. Ответил К-2. У него не было оператора, только автоматический блок, который передавал статус маленькими пакетами.

Самира прочла вслух:

— Корпус исправен. Энергия автономная. Верхняя линия потеряна. Перемещение не подтверждено.

Орлов посмотрел на Веру.

— Запроси полный локальный профиль.

Она села рядом со связным экраном. Отправила вопрос, подождала ответ и повторила запрос иначе. На этот раз К-2 прислал схему последних сорока метров своего канала.

Его нижний путь тоже заканчивался сплошным льдом. Илья увидел ту же срезанную плоскость, только с другой стороны.

Самира затянула перевязь под его локтем.

— Перелома на изображении нет. Связки пострадали. Работать сможешь, когда снизится боль, но одной рукой.

Он кивнул, не отрывая глаз от схемы. На старой карте маленькая запасная машина стояла в двухстах метрах над кромкой льда. Теперь положение кромки изменилось, а лодка отошла ещё дальше. До крота требовалось заново проложить путь.

5. Воздух на шестерых

Вера отцепила от стены лист пластика и написала сверху: «Исправно». Ниже — «Повреждено». Третью колонку оставила без названия.

— Почему не общий экран? — спросил Марк.

— Чтобы экран можно было выключить.

Они убирали всё, без чего могли обойтись. Вторая камера осталась активной, но её изображение больше не передавалось в салон постоянно. Выключили подогрев сидений, сушилку, часть освещения. Температуру воздуха снизили на два градуса. Орлов настаивал, чтобы второй вентилятор оставили: экономия не стоила риска углекислых карманов в плохо перемешиваемом воздухе.

Вера согласилась. Вычеркнула из расчёта ожидаемые сто восемьдесят ватт.

Ника пристегнула лист к столу четырьмя зажимами. В слабой тяжести он легко сдвигался от самого простого прикосновения. Пока Вера вписывала батарейные остатки, Марк сел напротив и сложил ладони под подбородком.

— Мы можем найти новый путь рядом с кротом, — сказал он. — Лёд там тёплый. Переплавить боковой проход.

— Можем, если запустим тепловую машину, — ответила Вера. — Для запуска нужно отводить тепло. Наружный коллектор разрушен.

— А резервный?

— Резерв — внутренняя ветвь и пассивное охлаждение остановленного реактора. Они не рассчитаны на его рабочую мощность.

Марк опустил ладони.

— То есть он есть, но...

— Он делает то, для чего установлен. Реактор сейчас безопасен. Вернуть полную мощность без ремонта нельзя.

Капитан подошёл к столу.

— Спорные варианты пишем отдельно. Сначала факты.

Вера дала ему маркер. Он подписал третью колонку: «Проверить».

После аварии в двух независимых батарейных группах оставалось пятьсот сорок киловатт-часов полезной энергии. Вера округлила вниз. Повреждённая линия внешнего двигателя была отключена физически, поэтому не могла незаметно забирать ток. При неподвижной лодке и текущем режиме жизнеобеспечения расход составлял шесть с половиной киловатт.

— Восемьдесят три часа без движения, — сказал Марк, опередив её.

— Без работы инструментами, без дальнейшей потери ёмкости и без аварийного резерва, — ответила Вера. — Я ставлю семьдесят два. Это не срок, до которого можно ждать.

Она провела черту под цифрой.

Кислород был отдельной строкой. Исправный электролизёр мог получать его из воды сколько угодно долго — при наличии энергии. Запас воды оставался достаточным. Электролиз расходовал ту же энергию, что держала насосы и воздух. Полученный водород уходил по отдельной наружной линии, не смешиваясь с салонным газом. Химические кассеты и сжатый газ давали ещё шестнадцать килограммов с небольшим. В обычном состоянии шестеро потратили бы это примерно за трое суток. Работа в тяжёлых выходных системах увеличивала расход. Постоянно включать электролиз и одновременно рассчитывать, что батареи доживут до конца этого срока, не получалось.

— На девяносто часов в экономном режиме, — сказала Самира, посмотрев свою таблицу. — Если часть времени спать, не работать всем одновременно и продолжать электролиз первые сутки. Потом пересчёт по факту.

— Мы не сможем просто лежать девяносто часов, — заметила Ника.

— Я и не предлагаю. Я даю границу, которую не нужно украшать.

Вера записала «O₂: режимный расчёт, 90 ч». Под ней — время регенерации поглотителей углекислого газа. Нагрев поглотителей тоже входил в нагрузку. Из выключения всего остального не следовало, что они могут выключить его.

Лист заполнился быстрее, чем хотелось.

За кормовой перегородкой тихо работал насос внутренней циркуляции. Вера услышала в его звуке короткий провал, подняла голову и проверила экран. Никакого провала на графике не оказалось. Она отметила его в уме, но в колонку не внесла: после удара человек легко начинал слышать неисправность в любом изменении привычного шума.

Орлов перечитал расчёт.

— Первый вариант: доступ к К-2. Второй: ремонт теплоотвода. Третий: канал к поверхности для помощи. Выполняем параллельно, но каждое действие с затратами согласовываем.

— Четвёртый, — сказал Марк. — Вернуться вниз.

Капитан посмотрел на него.

— Обоснуй.

— У структуры есть работающий источник тепла. Это не мог быть просто остаточный нагрев. Там полтора градуса устойчивой разницы на сильном течении. Мы видели движущиеся части. Если найдём гидротермальный выход, сможем построить наружный отвод на новом коллекторе.

— Нам нужен холодный отвод, — ответила Вера.

— И энергия для запуска. Может быть, там готовая система.

— Может быть, — повторил Орлов. — Запиши, какие конкретные измерения подтверждают это. Пока четвёртый вариант.

Марк не взял маркер. Открыл свой планшет.

Ника вывела карту нижней поверхности льда. Две повторные акустические съёмки дали согласованный результат: после сдвига старый канал оказался срезан на расстоянии примерно двухсот метров от своего конца. Ледовая полость, в которой находился К-2, уцелела, но путь между ней и океаном перестал быть прямым.

— Отсюда до крота четыреста десять метров по прямой, — сказала она. — Из них сто семьдесят во льду. Если идти кратчайшим путём.

— Он может протопить вниз? — спросила Самира.

Вера уже запросила режимы. У К-2 сохранились батареи и малая тепловая установка. Но его наружные элементы прижало к стенке, охлаждение просело, и автоматика не разрешила полный запуск. Часть причин могла быть ошибкой датчиков. Для проверки требовалось добраться до машины.

— Самостоятельно не запустится, — ответила она. — Пробуем освобождение малыми циклами. Его энергии хватит примерно на шесть метров в текущем состоянии. Нужно сто семьдесят.

Марк посмотрел на пластик с колонками. На этот раз спросил тихо:

— Шесть метров — точно?

— Не точно. От четырёх до девяти. Это не изменяет решения.

Самира отправила управляющий запрос. Крот подтвердил, что принял цикл проверки. Они договорились через двадцать минут запросить новый профиль.

Пока ждали, Орлов предложил поставить Иглу на место потерянного маяка. Малый дрон мог нести акустический модуль и подняться к самой нижней кромке льда. Иногда радиосигнал проходил через тонкие локальные зоны, но восемнадцать километров даже тёплого льда оставались слишком большим препятствием. Им требовалась живая проводная точка.

— От кабеля что-нибудь осталось ниже сдвига? — спросил он.

Ника запустила Иглу на коротком поводке. Ласточку пока не трогали: после касания кормы о лёд её кассету требовалось проверить.

Изображение Иглы было хуже, зато дрон расходовал меньше энергии. Он прошёл вдоль новой плоскости, нашёл кусок обшивки маяка, тонкий оборванный подвес и пучок волокон, застрявший в белой трещине. Конец кабеля уходил под ледовый выступ, в сторону от верхнего пути.

— Подойти ближе можно? — спросил Орлов.

— Можно, — ответила Ника. — Вероятность потерять дрон тоже выше. Там продолжается движение.

Она оставила машину на месте. Камера показывала две маленькие трещины. Между ними выдавливалась белая масса; она двигалась очень медленно, но заметно, если сравнивать кадры.

— Не идём, — решил капитан.

Вера посмотрела на время, как будто в нём могла найти новый вариант. После аварии прошло полтора часа. Они потратили десять киловатт-часов на работу двигателей, наблюдение и воздух. Это была небольшая доля запаса; одновременно это была доля, которую нельзя вернуть простым сожалением.

Она предложила перейти на химический кислород на два часа, освободив мощность для осмотра внешнего теплообменника. Самира согласовала режим и наклеила на активную кассету время включения. Устройство находилось в отдельном герметичном кожухе. Вера проверила температуру кожуха, хотя это была работа врача.

Проверка Ласточки выявила перекос кормового замка. Дрон не был повреждён, но кассета открывалась только до половины.

— Сейчас выведу его боком, — сказала Ника.

— Не дави, — предупредила Вера. — Замок сидит на той же панели, что остатки коллектора.

Ника увеличила зазор манипулятором и осторожно повернула Ласточку. Дрон вышел, не коснувшись края. Вера снова увидела гибкую серебристую ленту на его правом корпусе.

— Стоп. Камеру на правую сторону.

Ника переключила обзор. Лента оказалась обычной защитной полосой кабельного канала: удар содрал её с лодки, и она легла поперёк кассеты. Вера почувствовала неприятную вспышку облегчения. Она уже успела подумать о чужой структуре, хотя оснований не было.

— Наше, — сказала Ника. — Сниму, чтобы не попало в движитель.

Следующие полтора часа ушли на осмотр повреждения. Лёд смял внешний коллектор и разорвал две магистрали. Внутренние затворы закрылись вовремя. Обломки закрывали часть соединителей, но уцелевший вход можно было использовать. Запасного коллектора такого размера у них не было: он составлял значительную часть всей наружной системы лодки.

Вера откинулась от экрана.

— Есть измерительный охлаждающий блок. Снимем с научной кассеты, построим малую ветвь. Он даст несколько киловатт устойчивой рабочей мощности. Пока не знаю сколько.

Марк поднял голову:

— Без него не получится химический анализ воды.

Ника посмотрела на него так, будто проверяла, понял ли он собственную реплику.

— Мы сейчас анализируем другую проблему, — сказала она.

Орлов разрешил демонтаж. Вера внесла его в колонку «Проверить» и подчеркнула: «Не для льда». Даже удачный ремонт не даст достаточной тепловой мощности, чтобы провести Нереиду вверх. Но он мог сохранить электрическое питание, а значит, воздух.

Пришёл новый пакет К-2. Машина закончила малый цикл и передвинулась на двенадцать сантиметров. Потом автоматика снова выключила нагрев. Вера сохранила запись, провела по таблице пальцем и поставила рядом с первым вариантом время следующей попытки.

Она не вычеркнула крота.

— Мне нужно два часа, — сказала она. — Ника со мной. Остальным поесть, проверить записи, потом спать по очереди.

— Ты сама когда спала? — спросила Самира.

— На спуске.

— Пять часов, двадцать минут. С тех пор прошло шестнадцать.

Вера удивилась, что врач помнит минуты.

— Тогда после демонтажа.

Самира положила на стол закрытый пакет еды. Не стала открывать его за Веру.

Капитан стоял возле своего кресла и читал пластиковый лист. Оттуда ему были видны и все расчёты, и люди, для которых они сделаны.

— Ещё один вариант, — сказала Вера.

Он поднял взгляд.

— Можно перенести нас в К-2 и использовать его корпус. Но сначала надо открыть путь к нему. Даже небольшой проход требует энергии, которой сейчас нет.

— Запиши. Будем искать энергию.

Вера взяла маркер. В третьей колонке осталось совсем мало места, зато во второй ещё можно было писать. Она намеренно не воспользовалась этим свободным пространством.

6. Чужая запись

Самира прикрепила обезболивающую пластину к шее Ильи. Он попытался посмотреть на неё через плечо, поморщился и остановился.

— Работает?

— Постепенно. Через десять минут проверим. Дополнительную пока не ставлю.

— Капитан разрешил полежать.

— Я слышала.

— Только у меня пост остался неприбранным.

Она посмотрела на два мешка с бельём, зажатых между креслом и стеной.

— Пост прекрасно держится. Я на нём ничего не трону.

Он ещё хотел сказать что-то о правом подлокотнике, но закрыл глаза. Самира дождалась, пока его дыхание замедлится. Закрепила перевязь так, чтобы локоть не сползал во сне. Отметила время и ушла к связанному экрану.

Ей хотелось связаться с Ковчегом больше, чем она готова была признать. Не ради подсказки: на орбите не имелось запасного теплообменника, который можно мгновенно отправить через восемнадцать километров льда. Требовалось хотя бы сказать людям наверху, что все шестеро живы. Перед сдвигом они подтвердили большой архив. Но Самира не знала, успели ли уйти последние аварийные строки: на орбите могли ещё не понимать, что именно произошло с лодкой.

Самира установила расписание коротких запросов. Верхний ретранслятор не ответил. Резервный тоже. Крот прислал свою обычную машинную строчку. С каждым повтором его одинаковые слова становились всё менее утешительными.

Перед аварией у неё было открыто домашнее сообщение. Муж рассказывал, что сын решил учиться архитектуре и передумал через два дня. Самира помнила начало, но не помнила, чем сообщение закончилось. Переслушивать его сейчас не хотелось. Она опасалась, что услышав обычную жизнь, не сможет сразу вернуться к этой.

— Что по связи? — спросил Орлов.

— Только К-2. Могу попробовать открытый аварийный звук. На частотах старого спасательного канала.

— Есть кому слушать?

— У Северной станции резервный датчик подо льдом. Если его линия не срезана вместе с основным кабелем, он может записать сигнал. Ответить он не умеет.

Капитан согласовал минуту передачи. Аварийный канал плохо сохранял человеческую речь, но простая фраза и условные тоны могли пройти туда, куда не проходил широкий цифровой пакет.

Самира надела гарнитуру. Подождала, пока Вера отключит тестовые импульсы инструмента у кормы, и заговорила:

— Нереида. Шесть человек. Все живы. Основной путь перекрыт. Повторяю: шесть человек, все живы.

Затем передала координаты и два условных тона. Запустила вторую запись, сократив её до первой фразы. Выключила передатчик.

Орлов поставил на листе время. Вера занималась новым охлаждающим блоком, придерживая отвёртку губами. Ника стояла рядом с дроновым управлением. Обычная рабочая тишина вернулась почти сразу.

Через полторы минуты Самира услышала в гарнитуре слово «шесть».

Она отняла наушник, посмотрела на экран, снова надела. В поле цифрового декодера не было сообщения. Сигнал шёл через открытый акустический вход.

— Есть звук, — сказала она.

Вера отложила инструмент. Капитан подошёл к связному экрану.

Самира повторила небольшой фрагмент. В шипении различался обрывок с низким гласным звуком. На втором прослушивании слово стало менее убедительным. Оно могло оказаться чем угодно, если заранее не ждать ответа.

— Ты слышишь речь? — спросил Орлов.

— Похожее на речь. Но я только что передавала эти слова. Могу дотраивать.

Капитан попросил не произносить предполагаемую фразу остальным. Ника прослушала запись без подсказки. Сказала, что слышит два голосоподобных участка. Вера предложила посмотреть исходный сигнал.

Самира убрала очистку шума и вывела полосы входа и выхода рядом. Она привыкла к связи, где программу можно было обвинить почти в чём угодно. Фильтр сглаживал пробелы, поднимал слабые фрагменты, иногда превращал совершенно посторонний шум в мягкие согласные. Сейчас она хотела, чтобы причина оказалась именно такой.

Вера указала на два пика.

— В начале одинаковая огибающая.

— Эхо, — сказал Орлов.

— Тогда время пути должно совпасть с отражателем, — ответила Самира.

Она проверила задержку: восемьдесят девять секунд. Для дна это было разумно. Для льда над ними — слишком долго. Рассеянное отражение могло пройти более сложный путь, но они находились далеко от большой боковой стенки. Ника внесла положение лодки и профиль течений в расчёт.

— Дно подходит, — сказала она. — Обычного возврата с такой амплитудой не ожидали. Зависит от поверхности.

Марк сидел у своего стола. Он не подошёл, хотя до этого интересовался каждым акустическим измерением.

— Значит, отражение, — сказал капитан. — В журнал: вероятное отражение от дна. Не ответ.

Самира внесла запись, оставив пометку о неожиданной амплитуде. Она не почувствовала ни разочарования, ни облегчения. Вопрос просто стал техническим.

Через сорок семь секунд сигнал повторился.

На этот раз Самира не слушала слова. Она смотрела на две полосы. Новая запись почти воспроизводила предыдущую, но два пика поменялись местами. Не задержались относительно друг друга, а поменялись: короткий участок, потом длинный, тогда как она передавала в обратном порядке.

Вера достала отвёртку из нагрудного кармана и положила на стол. Взяла стилус.

— Повтори без голоса. Пять неравных тонов. Чтобы не было смысла для нас.

Орлов посмотрел на неё.

— Это активное воздействие.

— Да. Малой мощности. Оно уже получило нашу передачу. Нам нужно отличить акустический возврат от неисправности линии.

— Один тест. Потом отключить.

Самира составила последовательность: короткий тон, пауза, два длинных, пауза, два коротких. Выбрала интервалы, не совпадающие с их рабочими протоколами. Передала через внешний излучатель. Вера физически отключила внутренний путь прослушивания передатчика; гарнитура теперь получала только воду.

Они ждали.

Илья открыл глаза, но Самира показала ему ладонью: пока оставайся. Он снова закрыл их, не понимая, вероятно, почему все стоят у стола.

Через восемьдесят восемь секунд пришли пять тонов. Два коротких оказались в начале. Паузы были заполнены слабым треском. Потом последовательность повторилась, соблюдая прежний сорокасемисекундный интервал.

Самира проверила время на независимых часах. На стене врачебного поста зелёным горели кислород и углекислый газ. Показатели оставались в норме. Она принесла автономный измеритель и положила его на стол. Ника протянула руку к датчику.

— Мы же записали.

— Записали. И наши головы тоже должны нормально работать.

Автономный измеритель подтвердил состав воздуха. Самира спросила у Веры о тошноте и двоении после удара. Та отрицательно покачала головой. Проверка не объясняла сигнала, зато не оставляла простую ошибку внутри лодки без внимания.

— У нас есть внешний повтор с изменением порядка, — сказала Самира. — Кто-то поймёт это как ответ. Я пока так не запишу.

— Правильно, — ответил капитан.

Марк встал.

Он дошёл до стола и положил планшет рядом с автономным датчиком. На экране был похожий акустический рисунок. В углу стояла дата семилетней давности.

Самира сначала посмотрела на дату, потом на него.

— Откуда это?

— Из П-7.

Ника перестала двигать стилусом.

П-7 числился в истории экспедиций потерянным автоматическим зондом. Он вошёл во лёд в другом районе, достиг океана, передал короткий геофизический пакет и перестал отвечать. В учебных материалах его приводили как пример недостаточно защищённой связи. Самира помнила этот пример, потому что именно после него в их миссию добавили независимый резерв.

— Он вышел к той же площадке, — сказал Марк. — Передал больше, чем опубликовано. В научном пакете есть расширенный массив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.